

С.А. Гладких
Котласский краеведческий музей

ОТ РЯДОВОГО ДО ГЕНЕРАЛА: ГРЯЗОВЧАНЕ – УЧАСТНИКИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ.

Статья рассказывает об участии жителей Грязовецкого уезда Вологодской губернии в русско-японской войне 1904–1905 гг. Особое внимание уделяется герою, удостоенным высших боевых наград.

Грязовецкий уезд Вологодской губернии, герои русско-японской войны.

К началу XX века Грязовецкий уезд являлся одним из десяти уездов Вологодской губернии – самым южным по географическому положению, предпоследним по величине и седьмым по численности населения [34, с. 106]. Это был сугубо аграрный регион, населенный прежде всего русскими крестьянами, традиционно выносившими на своих плечах все тяготы российской истории, начало которым в новом столетии положила русско-японская война.

Участие жителей Грязовецкого уезда в войне 1904–1905 гг. пока является нестертым белым пятном местной истории, и эту ситуацию необходимо исправлять: ведь воинский подвиг всегда остается подвигом, независимо от того, где и когда он совершается. В памяти потомков должны жить герои всех войн, которые когда-либо вела Россия. Исходя из этого постулата и предпринято данное исследование. Все уроженцы и жители Грязовецкого уезда далее для краткости будут именоваться так же, как и жители уездного центра – грязовчанами.

К настоящему времени в результате перекрестной проверки данных из различных источников достоверно подтверждено участие в русско-японской войне 230 грязовчан – жителей всех одиннадцати местных волостей и уездной столицы, города Грязовца. Разумеется, реальное число участников войны существенно выше. Например, в составленном уездной землеустроительной комиссией в 1909 г. «Списке нижним чинам армии и флота, бывшим на войне в Манчжурии» [12, л. 146–160], за вычетом ошибочно повторенных, содержится 736 фамилий. Однако в этот перечень включены также имена тех, кто был призван и мобилизован в военные годы, но на фронт не попал [8, с. 16–17]. Поэтому предстоит еще очень долгая и кропотливая работа по проверке данной информации. К тому же в списке отсутствуют многие имена реальных участников войны, особенно моряков. Однако в целом собранные сведения позволяют провести первичный анализ и представить его вниманию читателей.

К сожалению, дать точную статистику участия грязовчан в сражениях русско-японской войны в настоящее время не представляется возможным из-за грандиозного разноречия информации в источниках. Так, наличествует огромное количество несовпадений в сведениях о месте службы (особенно у артиллери-

стов), о датах и местах ранений и гибели солдат. Сильно затрудняет идентификацию тех или иных героев отсутствие в документации отчетств: например, в числе участников войны значатся пять местных Николаев Смирновых!

Нередко в документах указывается место предвоенной до войны службы по призыву, а в какой воинской части оказывался человек после мобилизации из запаса в 1904 г., остается неизвестным. Однако это обстоятельство позволило установить, что основным местом службы грязовчан в мирное время был 103-й Петрозаводский пехотный полк [19, л. 353–356]. Воинские звания также приводятся иной раз довоенные, иной раз послевоенные.

Некоторые грязовчане к началу войны несли службу в воинских частях, расквартированных на Дальнем Востоке, но большинство оказалось там в результате мобилизаций. В связи с невозможностью одновременно отправить на удаленный театр военных действий большое количество войск по единственной железной дороге, в годы русско-японской войны в России не проводилось общей мобилизации, а последовательно объявлялись мобилизации частные, затрагивавшие отдельные регионы страны. Призывались ранее прошедшие действительную воинскую службу запасные нижние чины, которые для сохранения боевых навыков периодически проходили учебные сборы. Так, в сентябре 1904 г. 107 запасных нижних чинов Грязовецкого уезда, впервые призванных на службу еще в 1893 г., прошли плановый учебный сбор при одном из резервных батальонов [18, л. 393–394]. А вскоре им пришлось идти на настоящую войну.

Территория Грязовецкого уезда оказалась в зоне двух мобилизаций. Во время первой из них, объявленной императорским указом 22 марта 1904 г.¹, для пополнения личного состава Балтийского и Черноморского флотов были призваны находившиеся в запасе моряки [27, с. 43–44]. Некоторым из них довелось оказаться на кораблях отправленной с Балтики на Дальний Восток 2-й Тихоокеанской эскадры. А в ходе начавшейся 10 октября 1904 г. шестой частной мобилизации призыву подлежали уже армейские запасные нижние чины [32, с. 27].

¹ Все даты в тексте даны по Юлианскому календарю (старому стилю).

Большинство мобилизованных осенью грязовчан не были рассказаны малыми партиями по разным частям, а пополнили ряды сильно потрепанного в боях 22-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. И здесь уместно привести мнение главнокомандующего, генерала А.Н. Куропаткина: «в бою такие нижние чины, как земляки, будут сильнее держаться один другого и, что тоже важно, каждый из них в случае недостойного поведения будет знать, что товарищи принесут весть об этом и на его родину» [29, с. 452]. Это действительно спланивало воинские части, что подтвердил и опыт боевых действий грязовчан.

Кроме частных мобилизаций, осенью 1904 г. по всей России состоялся плановый ежегодный призыв новобранцев. С учетом многочисленных льготников, в призывные списки по Грязовецкому уезду было внесено 987 человек, из них принят на действительную службу 391 [15, л. 41 об., 263]. Но на войну эти люди, как не прошедшие достаточной подготовки, попасть уже не успели. А из участников боев на Дальнем Востоке первыми встретили внезапное нападение врага грязовчане-моряки.

В отличие от других уездов Вологодчины, территорию Грязовецкого уезда не пересекали судоходные реки, поэтому отсюда осуществлялся очень скромный набор призывников в военно-морские силы. Как правило, во флот попадали те, кто смог отчасти познакомиться с судостроением и судоходством при отходничестве, а также уроженцы Ново-Никольской волости, на узком участке выходящей к берегу Сухоны. Однако даже при этом значительную часть моряков-грязовчан составляли кочегары, то есть представители наименее квалифицированной категории корабельных специалистов.

К настоящему времени выявлены лишь 27 местных уроженцев, участвовавших в морских сражениях русско-японской войны. 14 из них служили на кораблях 1-й Тихоокеанской эскадры, базировавшейся на Порт-Артур, и 13 – на кораблях 2-й эскадры, в ходе войны направленной на помощь осажденному Порт-Артуру и погибшей 14–15 мая 1905 г. в трагическом Цусимском бою. В ходе боевых действий 9 моряков-грязовчан погибли (из них семеро при Цусиме), 12 попали в плен.

Биографии некоторых моряков заслуживают отдельного внимания. Так, уже в первый день войны вписал свое имя в историю уроженец деревни Михалево Гаврильцевской волости Семен Павлович Комяков – кочегар 1-й статьи легендарного крейсера «Варяг», участник знаменитого боя у корейского порта Чемульпо 27 января 1904 г. [16, л. 18 об.–18 а, 46; 26, с. 276] Вместе с другими «варяжцами» он получил самую почетную боевую награду нижних чинов того времени – Знак отличия Военного ордена, более известный как Георгиевский крест.

Всего же Георгиевскими кавалерами стали девять моряков-грязовчан. Григорий Иванович Крюков из деревни Илюшкино Раменской волости удостоился этой высокой награды дважды. Будущий герой родился в 1871 г., призван во флот в 1892 г., с 1900 г. числился на сверхсрочной службе. Служил в Порт-Артуре машинным кондуктором крейсера «Аскольд». Получил Георгиевские кресты IV и III степеней за

отличие в двух боях с японским флотом: 27 января 1904 г. на артурском рейде и 28 июля 1904 г. в Желтом море. Во втором бою «Аскольд» прорвался сквозь кольцо кораблей врага в Шанхай, но согласно нормам международного права крейсер разоружили в порту до конца войны. В 1914 г. Г.И. Крюков был произведен в подпоручики по Адмиралтейству, то есть стал офицером береговой службы русского флота, совершив редкую по тем временам для выходца из простых матросов карьеру [26, с. 152, 219; 33].

Александр Васильевич Мауткин из деревни Поземские Исады Ново-Никольской волости первоначально также служил на крейсере «Аскольд», затем был переведен для обучения новобранцев в Квантунский флотский экипаж, а затем стал боцманом эскадренного миноносца «Расторопный». Получил Георгиевский крест за бой на артурском рейде 10 июня 1904 г. По воспоминаниям командира «Расторопного», лейтенанта В.И. Лепко, А.В. Мауткин отличился своим хладнокровием при спасении команды подорвавшегося на японской мине эскадренного миноносца «Разящий»: находясь на спущенном на воду вельботе, он сначала разбросал тонущим спасательные средства, и лишь затем спокойно подобрал людей на борт [30, с. 104–105]. Впоследствии «Расторопный», выполняя задание командования, прорвался из заблокированного Порт-Артура в китайский порт Чифу, где из опасений захвата японцами был взорван командой. Таким образом, А.В. Мауткин смог избежать японского плена, который довелось испытать оставшимся защитникам капитулировавшего 20 декабря 1904 г. Порт-Артура [12, л. 146 об.; 26, с. 1483; 28, с. 89; 36, с. 4].

Из выживших при Цусиме Георгиевским кавалером стал минный машинист броненосца береговой обороны «Адмирал Ушаков» Иван Иванович Кутихин, уроженец деревни Каменка Раменской волости. В числе других уцелевших моряков корабля он получил Знак отличия Военного ордена за коллективный подвиг экипажа в безнадежном бою с превосходящими силами противника 15 мая 1905 г. После гибели «Адмирала Ушакова» И.И. Кутихин был спасен японцами и по окончании войны вернулся из плена на родину [24, л. 138; 25, с. 226; 26, с. 1229].

Однако подавляющее большинство грязовчан служили в сухопутных частях. Их имена выявлены среди личного состава более двадцати пехотных и стрелковых полков русской армии. В основном грязовчане сражались в рядах Восточно-Сибирских стрелковых полков, изначально расквартированных на Дальнем Востоке, хорошо знакомых с театром военных действий и поэтому прекрасно проявивших себя в боях с врагом. Служившие в этих частях гордо называли себя «сибирской гвардией» [31, с. 153]. И даже влившиеся в их состав в качестве пополнений грязовчане быстро прониклись этим корпоративным духом и не посрамили себя и свои полки в многочисленных схватках с противником.

Помимо этого, более десяти грязовчан служили в артиллерии, а единственным местным уроженцем, служившим в саперных подразделениях, являлся выходец из деревни Басино Панфиловской волости Александр Андреевич Кустов – рядовой 17-го саперного батальона. Ему не довелось вернуться на родину:

сапер А.А. Кустов скончался в полевом подвижном госпитале № 60 незадолго до конца войны, 3 августа 1905 г. [10, л. 16; 19, л. 228]

Грязовчане участвовали во всех значимых боях на Маньчжурском театре военных действий. Так, уже в первом сухопутном сражении под Тюренченом 17–18 апреля 1904 г. пропал без вести стрелок 2-й роты 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Петр Нечаев из деревни Фомское Панфиловской волости (по косвенным данным можно предположить, что он оказался в плену и после войны смог возвратиться на родину) [2, с. 9; 12, л. 148 об.]. В этом бою 11-й полк, прикрывая отход русских войск, оказался в окружении и смог пробиться к своим лишь ценой громадных потерь в череде штыковых атак [1, с. 110].

Свыше ста грязовчан служили в уже упоминавшемся 22-м Восточно-Сибирском стрелковом полку. Этот полк неудачно принял боевое крещение в том же сражении при Тюренчене, где первым отступил с позиций, но затем зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Он упорно отстаивал вверенные рубежи под Ляояном, а позже понес большие потери, многократно атакуя врага в Шахэйском сражении [29, с. 303–304]. Получив пополнение из грязовчан, полк вошел в состав Цинхэченского отряда генерала П.К. Ренненкампа, располагавшегося на левом фланге русских войск.

В самом начале Мукденского сражения отряд атаковала 5-я японская армия генерала К. Кавамуры. 22-й полк принял участие в обороне передовых позиций у деревни Цинхэчен, а после отхода отряда под давлением превосходящих сил противника – позиций у деревни Мацзюндань, где японское наступление было остановлено [35, с. 97, 100, 103, 261–262]. Рядом с 22-м полком сражались и части 26-й артиллерийской бригады, где служило большинство грязовчан-артиллеристов. Действуя в сложной гористой местности, батареи бригады вместе со стрелковыми батальонами не раз участвовали в отражении японских войск, пытавшихся обойти русские части.

Упорные бои за Мацзюндань (название во многих документах варьируется: Мацзядань, Мадзюдань, Мадзюндань, Мандзюндань) стали роковыми для многих грязовчан. Именно здесь они понесли наибольшие потери за всю войну: суммарно не менее 40 убитых, раненых и пропавших без вести. Всего лишь один документ – отзыв командира 22-го полка – перечисляет имена 11 грязовчан, павших в боях у этой деревни [19, л. 228 об.–229]. Однако ценой в том числе и этих потерь к концу Мукденского сражения, когда японцы сумели обойти наш правый фланг и прорвать позиции в центре, левый фланг устоял, чем сохранил русскую армию от полного окружения и уничтожения. После Мукдена активные боевые действия на суше завершились, а Цусимская катастрофа привела наконец к заключению мира.

О печальных итогах войны, как и о напряжении прошедших боев, наглядно свидетельствуют цифры потерь. Так, 34-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, в котором служили трое грязовчан, за время войны потерял убитыми и ранеными 89 офицеров и 3423 нижних чина [29, с. 421], то есть больше штатного списочного состава. Всего же среди грязовчан в

ходе боевых действий погибли более 40 и получили ранения более 130 человек.

О массовом героизме русских воинов говорит и их награждение Георгиевскими крестами. Из числа грязовчан, сражавшихся на суше, этих высоких боевых наград удостоились не менее 25 человек. К сожалению, установить обстоятельства совершенных подвигов в большинстве случаев невозможно, ибо наградные формулировки не блещут разнообразием. Наиболее распространены два стандартных варианта: «за мужество и храбрость, оказанные разновременно в боях против японцев», и «за разновременные отличия, оказанные в делах против японцев». Но, например, с более точной формулировкой «в боях 8–23 февраля 1905 г., будучи ранен, остался в строю» Георгиевские кресты получили восемь грязовчан из состава 22-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Среди местных Георгиевских кавалеров необходимо упомянуть особо выдающихся. Так, житель Грязовца Николай Петрович Лебедев ушел на войну добровольцем, что для непопулярной в народе русско-японской войны являлось большой редкостью. Он служил рядовым 9-го пехотного Ингерманландского полка и проявил себя настоящим героем. Был ранен, контужен и удостоился двух Георгиевских крестов: IV степени «за мужество и храбрость в боях под Мукденом», и III степени за то, что «вынес из под огня противника подпоручика Арециева, бывшего вместе с ним на разведке 5 января 1905 г. и раненого в ногу навывлет» [24, л. 86; 26, с. 125, 695].

Знаков отличия Военного ордена IV и III степеней удостоился также младший унтер-офицер 4-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Василий Алексеевич Королев из деревни Исаково Панфиловской волости. Первую награду он получил за героизм, проявленный в сражении под Ляояном, а вторую – «за мужество и храбрость, оказанные им разновременно в боях с японцами». Был ранен в сражении при Сандепу 12 января 1904 г. [5, с. 4; 19, л. 356 об.; 26, с. 82, 322].

Защитник Порт-Артура, стрелок 16-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Афанасий Соловьев (отчество неизвестно) из деревни Звягино Ведерковской волости дважды удостоился Георгиевских крестов IV степени. Схожие наградные формулировки не позволяют установить, был ли он ошибочно представлен за один и тот же подвиг, либо ему полагался второй крест следующей, III степени [13, л. 224 об.; 23, л. 28; 26, с. 952, 1148].

Интересна боевая биография другого порт-артурца, Никанора Васильевича Железнякова – выходца из деревни Пищалино Гаврильцевской волости. Он не был военным, и до войны трудился на Балтийском судостроительном заводе в Санкт-Петербурге. Часть рабочих этого предприятия направили в Порт-Артур для ремонта поврежденных русских кораблей. Здесь Н.В. Железняков стал портновым мастером, а затем поступил добровольцем-ополченцем в 7-ю вольную дружину. Такие дружины формировались из гражданских лиц и выполняли при обороне крепости многочисленные вспомогательные функции. Однако Н.В. Железняков проявил себя прирожденным воином: стал ефрейтором, получил медаль «За храбрость» и Знак отличия Военного ордена IV степени,

которым «всемилодивейше пожалован в 11 день февраля 1908 г. за участие в делах против неприятеля» [9, л. 7–7 об.; 26, с. 1492].

Из грязовецких артиллеристов ярко проявил себя младший фейерверкер 5-й батареи 35-й артиллерийской бригады Александр (по другим данным – Петр) Нечаев, предположительно уроженец деревни Андрaково Степуриной волости. Он получил Георгиевский крест «за то, что вызвался 31 октября 1904 г. быть наблюдателем вблизи неприятеля; был обстрелян сильным артиллерийским огнем; японские снаряды разрушили наблюдательную фанзу, и он был вынужден перебраться в окоп с телефоном, и до конца дня давал указания батареям на позиции, чем много содействовал успеху нашей стрельбы» [12, л. 158 об.; 20, л. 306–313; 26, с. 480].

Одним из элементов наградной практики и одновременно пропаганды тех лет было вручение Георгиевских крестов инвалидам войны лично императором Николаем II, без каких-либо официальных представлений к награждению. В тот или иной дворец на встречу с царем группами привозили выписывавшихся из госпиталей инвалидов, и на родину они возвращались уже Георгиевскими кавалерами. Среди грязовчан такой чести удостоились двое.

Ротный горнист 35-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Александр Егорович Казаков из деревни Становое Жерноковской волости был трижды ранен в боях и потерял правую руку. Георгиевским крестом IV степени № 191720 «пожалован 28 июля 1905 г. в Петергофе при представлении его Государю Императору». Однако впоследствии выяснилось, что ему положена более ранняя награда – крест № 117297 «за мужество и храбрость, оказанные им одновременно в боях с японцами». Лишить А.Е. Казакова ошибочно выданного императором Георгиевского креста, конечно, никто не решился, и результатом казуса стало исключение ветерана в 1907 г. из списков Капитула Орденов под № 117297 как пожалованного за одно и то же отличие [3, с. 8; 4, с. 7; 6, с. 12; 19, л. 336; 24, л. 117; 26, с. 510, 1354].

Стрелок 22-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Иван Дмитриевич Силин из деревни Бокотово Панфиловской волости, которому после ранения в Мукденском сражении ампутировали правую ногу ниже колена, также «всемилодивейше пожалован 13 декабря 1905 г. в Царском Селе при представлении его Государю Императору» Георгиевским крестом IV степени [7, с. 12; 19, л. 347; 26, с. 1456]. Спорность подобных награждений, не соответствовавших официальному орденскому статуту, очевидна; но очевидна и попытка государства в лице императора особо отличить пострадавших «за Веру, Царя и Отечество».

Как следует из изложенного выше, почти все участники русско-японской войны с территории Грязовецкого уезда – это нижние чины, то есть солдаты, матросы и унтер-офицеры (последних насчитывается всего 16). На этом фоне стоит особняком и потому ярко выделяется фигура единственного местного генерала. Потомственный дворянин Николай Константинович Левашов, выходец из села Минькино Панфиловской волости, родился 3 декабря 1856 г. В 1875 г. окончил Первое военное Павловское училище, перво-

начально служил в артиллерии, в 1884 г. закончил обучение в Военно-Юридической академии и далее проходил службу по военно-судебной линии. С 1897 г. – военный судья Кавказского военно-окружного суда, 1 января 1901 г. произведен в генерал-майоры.

С началом русско-японской войны 30 января 1904 г. Н.К. Левашов «командирован в кр[епись] Владивосток для усиления Приамурского военно-окружного суда», а 21 декабря 1904 г. назначен исполняющим обязанности Председателя суда 1-й Маньчжурской армии. По окончании войны, 12 ноября 1905 г., «за расформированием суда откомандирован к месту служения». 27 июня 1908 г. уволен со службы по болезни с производством в генерал-лейтенанты [17, л. 1–23]. И хотя Н.К. Левашов являлся не строевым генералом, а военным юристом, и согласно послужному списку «в походах и делах против неприятеля не был», он также имел полное право считаться участником русско-японской войны.

Необходимо также упомянуть, что во время войны в Грязовце функционировал уездный распорядительный комитет по эвакуации больных и раненых с Дальнего Востока, занимавшийся подготовкой к их приему и размещению, однако его реальный вклад в решение этой проблемы оказался минимален. Лишь 27 апреля 1905 г. в Грязовец из Москвы доставили 9 раненых нижних чинов, размещенных по квартирам горожан, но уже к 14 мая они прошли медицинское освидетельствование и были либо отправлены в 6-месячный отпуск на родину, либо вовсе уволены от службы [11, л. 5 об., 7 об.]. Тем не менее, готовность Грязовецкого уезда к исполнению тыловых функций можно оценить только положительно.

По окончании войны подавляющее большинство грязовчан вернулись на малую родину, к мирному крестьянскому труду. Но не каждый из них мог работать в полную силу вследствие полученных ранений. Об этом, в частности, свидетельствует интересный документ: прошение в Грязовецкое уездное по воинской повинности присутствие бывшего начальника 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенанта В.Н. Данилова от 19 июля 1910 г., в котором говорится: «Отставной стрелок 22 Сибирского стрелкового полка 10 роты Иван Брызгалов на войне был лично известен как храбрый, честный и трезвый солдат. Был представлен к ордену, но, видно, затерян. Он был ранен пулей навывлет с повреждением почки. Положение его крайне бедное. Прошу дать место где-либо на железной дороге или на другой службе за боевую выдающуюся службу» [14, л. 28 об.–29; 20, л. 174]. Подобное заступничество авторитетного генерала за рядового нижнего чина – явление весьма редкое.

Некоторым из героев русско-японской войны впоследствии довелось принять участие и в еще более трагической для России Первой мировой войне. Поразному обошлась с ними суровая военная судьба. Например, бывший матрос эскадренного броненосца «Севастополь», Георгиевский кавалер за бой 28 июля 1904 г. Сергей Тимофеевич Савичев из деревни Оборино Ново-Никольской волости получил очередной Георгиевский крест [14, л. 8 об.; 22, л. 858; 26, с. 1476]. А бывший стрелок 22-го Восточно-Сибирского

стрелкового полка и тоже Георгиевский кавалер Иван Андреевич Прокопьев из деревни Некрасово Панфиловской волости стал рядовым 296-го Грязовецкого полка и погиб 25 ноября 1914 г. [7, с. 12; 21, л. 289, 296; 26, с. 624]

Катаклизмы мировых войн и революций наряду с грандиозными социальными преобразованиями советского времени быстро вытеснили из исторической памяти грязовчан события русско-японской войны. С уходом из жизни ветеранов дальневосточной кампании прочно забылся их воинский подвиг. Но не зря на медали в память войны 1904–1905 гг. были выбиты строки: «Да вознесет вас Господь в свое время». Спустя столетие это время пришло. И представленная работа – лишь малая дань возрождаемой памяти об этих людях.

Литература

1. Апушкин, В. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. / В. А. Апушкин // Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг. : сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2005. – 468 с.
2. Вологодские губернские ведомости (ВГВ). – 1904. – № 33.
3. ВГВ. – 1904. – № 46.
4. ВГВ. – 1905. – № 9.
5. ВГВ. – 1905. – № 47.
6. ВГВ. – 1906. – № 9.
7. ВГВ. – 1906. – № 12.
8. Гладких, С. А. Об одном историческом источнике по участию жителей Вологодской губернии в русско-японской войне / С. А. Гладких // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2019. – № 1. – С. 14–18.
9. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 4058.
10. ГАВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 5136.
11. ГАВО. – Ф. 21. – Оп. 3. – Д. 1.
12. ГАВО. – Ф. 287. – Оп. 1. – Д. 71.
13. ГАВО. – Ф. 361. – Оп. 1. – Д. 178.
14. ГАВО. – Ф. 388. – Оп. 8. – Д. 688.
15. ГАВО. – Ф. 726. – Оп. 3. – Д. 387.
16. ГАВО. – Ф. 726. – Оп. 4. – Д. 2.
17. ГАВО. – Ф. 727. – Оп. 2. – Д. 27.
18. ГАВО. – Ф. 728. – Оп. 2. – Д. 552.
19. ГАВО. – Ф. 728. – Оп. 2. – Д. 633.
20. ГАВО. – Ф. 728. – Оп. 2. – Д. 940.
21. ГАВО. – Ф. 728. – Оп. 2. – Д. 1061.
22. ГАВО. – Ф. 728. – Оп. 2. – Д. 1131.
23. ГАВО. – Ф. 728. – Оп. 2. – Д. 1253.
24. ГАВО. – Ф. 732. – Оп. 1. – Д. 56.
25. Грибовский, В. Ю. Броненосец «Адмирал Ушаков» / В. Ю. Грибовский, И. И. Черников. – Санкт-Петербург : Судостроение, 1996. – 242 с.
26. Знак отличия Военного ордена Св. Георгия: Списки пожалованным за русско-японскую войну 1904–1905 гг. – Москва : [Б.и.], 2006.
27. Иллюстрированная летопись русско-японской войны. – Вып. 2. – Санкт-Петербург : Издание редакции «Нового журнала иностранной литературы», 1904. – 1496 с.
28. Крестьянинов, В. Я. «Аскольд» / В. Я. Крестьянинов, С. В. Молодцов. – Санкт-Петербург : Велень, 1993. – 224 с.
29. Куропаткин, А. Н. Русско-японская война 1904–1905: Итоги войны / А. Н. Куропаткин. – Санкт-Петербург : Полигон, 2002. – 527 с.
30. Лепко, В. И. Порт-артурский дневник / В. И. Лепко. – Санкт-Петербург : Остров, 2008. – 191 с.
31. Лысёв, А. В. Русский Порт-Артур в 1904 году. История военной повседневности / А. В. Лысёв. – Москва : Посев, 2019.
32. Обзор Вологодской губернии за 1904 год. – Вологда : Типография губернского правления, 1905.
33. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). – Ф. 406. – Оп. 11. – Д. 93К.
34. Россия. Энциклопедический словарь. – Ленинград : Лениздат, 1991. – 877 с.
35. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Том V. Мукденское сражение. Часть 1. События, непосредственно предшествовавшие Мукденскому сражению, и самое сражение до приказа Главнокомандующего об отходе III и I армий к Хуньхэ. – [Санкт-Петербург : Государственная типография, 1910.]
36. Участник славной обороны Порт-Артура // Красный Север. – 1956. – 11 сентября.

S.A. Gladkikh

FROM A SOLDIER TO A GENERAL: GRYAZOVETS RESIDENTS – PARTICIPANTS OF THE RUSSO-JAPANESE WAR OF 1904–1905

The article describes the participation of residents of Gryazovets district of Vologda province in the Russo-Japanese war of 1904–1905. Special attention is paid to the heroes awarded the highest military awards.

Gryazovets district of Vologda province, heroes of the Russo-Japanese war.